

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

PROBLEMS OF WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS IN THE HISTORY OF SOCIO-POLITICAL FRAMEWORK

07.00.09

Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Historiography, Source Studies
and Methods of Historical Research

07.00.15

История международных отношений
и внешней политики

History of Foreign Affairs and External Policy

DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-12-19

Дипломатия как институт международного общества в Английской школе международных отношений

В.В. Миронов ©

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского,
г. Омск, Российская Федерация

E-mail: vvm_512@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из ключевых институтов в концепции международного общества. Цель статьи – выявить историографические аспекты анализа дипломатии в контексте изучения подхода Английской школы к анализу международных институтов. Английская школа международных отношений формировалась в конце 1950–1970 гг. Некоторые видные ученые (Г. Баттерфильд, М. Уайт, Х. Булл) приняли активное участие в разработке ее научной концепции. Британский комитет по изучению международной политики стал главной интеллектуальной структурой в генезисе школы. Комитет функционировал в течение 25 лет (1959–1985) и выступил основой формирования двух первых поколений Английской школы международных отношений. Г. Баттерфильд – известный английский историк стал первым главой Британского комитета. Его мировоззрение носило консервативный характер. Он выдвинул идею упадка дипломатии и разделил ее на «новую» и «историческую». Со временем его взгляды на дипломатию нового времени вступили в противоречие с широкой интерпретацией международного общества – центрального понятия школы. М. Уайт рассматривал дипломатию в качестве минимального показателя социального характера любой международной системы, но он также склонялся к выводу о том, что дипломатия не будет играть значительной роли в будущем. Он не принимал и идею международного общества и предпочитал ей термин «система государств». Понятие «международное общество» со временем стало символом и отличительным знаком данного научного сообщества благодаря работам Х. Булла в 1960–1970 гг. Х. Булл включил дипломатию в перечень ведущих международных институтов, но центральную роль в нем отводил балансу сил и международному праву. Современные сторонники концепции продолжили дипломатические исследования. Их взгляды проанализированы в данной статье. Главный вывод этого раздела состоит в том,

Миронов В.В.

что функциональный анализ дипломатии стал составной частью современной концепции международного общества и основой для институционального развития подхода Английской школы в дальнейшем. Британский институционализм показывает общие тенденции дальнейшего развития Английской школы международных отношений и некоторые проблемы диалога с американской теорией международных отношений.

Ключевые слова: Английская школа международных отношений, дипломатия, международные институты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Миронов В.В. Дипломатия как институт международного общества в Английской школе международных отношений // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 1. С. 12–19. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-12-19

DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-12-19

Diplomacy as an institution of International Society in English school of International relations

V.V. Mironov ©

Omsk State University,
Omsk, Russian Federation

E-mail: vvm_512@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of one from the key institutions in the conception of international society. The aim of the article is to identify historiographical aspects for the analysis of diplomacy in the context of the English school's approach to the study of international institutions. The English school of International relations formed in the end 1950–1970. Some famous scientists (H. Butterfield, M. Wight, and H. Bull) took an active part in the creation of this scientific society. The British Committee for the study of international politics was a main intellectual structure in the genesis of the school. The Committee had worked during 25 years (1959–1985) and became a base for the development of two first generations of the English school of international relations. Herbert Butterfield was a very famous English historian and the first chief of the British Committee during 1959–1967. He had a conservative credo. He shared the idea of the decline of diplomacy and divided it into new and historical. During some time, his views on diplomacy in modern history came into conflict with the wide interpretation of international society – a central concept of the school. Martin Wight saw in diplomacy a minimal indicator of the social character of the international system in any time, but he also inclined that diplomacy will not play a very much role in the future. At the same time, he did not accept the concept "international society" and preferred the idea of "system of state". The concept "international society" became a symbol and a different mark of this scientific community thanks to the books by H. Bull in 1960–1970. Hedley Bull included diplomacy in his list of main international institutes, but a central place among them in his views played the balance of power and international law. Modern adepts of the conception of international society continue diplomatic research. The works of modern representatives of the English School are studied in the article. The main conclusion of this part of the article consists of that the functional analysis of diplomacy became a base for the following development of British institutionalism and an important part of the conception of international society today. The British institutionalism is highlighted as general trends of the following development of the English school of international relations and some problems for the dialogue with the American theory of International relations.

Key words: English school of International relations, diplomacy, International institutions.

FOR CITATION: Mironov V.V. Diplomacy as an institution of International Society in English school of International relations. *History and Modern Perspectives*. 2021. Vol. 3. No. 1. Pp. 12–19. (In Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-1-12-19

АНГЛИЙСКАЯ ШКОЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

Английская школа международных отношений представляет собой междисциплинарное сообщество ученых-международников, по преимуществу работающих в Великобритании, и разделяющих подход к анализу и прогнозированию международной политики с по-

зиций концепции международного общества. Период формирования данной научной концепции пришелся на 1960–1970 гг. и первоначально был связан с работой так называемого Британского комитета по изучению международной политики – междисциплинарный научно-практический семинар, финансировавшийся некоторое время фондом Рокфеллеров. Современное развитие школы характеризуется несколькими разнонаправленными тенденциями, особую роль среди

которых занимает развитие институционального подхода к международным отношениям.

Один из представителей данного сообщества Х. Суганами полагает в этой связи, что термин «британский институционализм» сегодня выступает даже более емкой характеристикой Английской школы, чем ее традиционная привязка к концепции международного общества, сформулированной в конце 1970-х гг. Х. Буллом. [Linklater, Suganami, 2006: 20]. Эту позицию поддерживает и Т. Данн, который полагает, что сегодня необходимы более совершенные инструменты для понимания международных отношений, чем те, которые в свое время создали М. Уайт и Х. Булл [Dunne, 2001: 66].

Б. Бузан, еще один из известных современных представителей данного сообщества, находит развитие институционального подхода к международным отношениям теоретически перспективным, способным обеспечить не только дальнейшее развитие концепции Английской школы, но и возможный диалог с американским теоретическим мейнстримом в изучении международной политики со временем. При этом Б. Бузан выделил ряд существенных проблем на пути развития Английской школы как британского варианта институционального подхода к международным отношениям. В частности, им были отмечены важные различия между развитием институционализма в Великобритании и США [Buzan, 2006: 75].

Нельзя не огласиться с тем, что в Соединенных Штатах изучение международных институтов генетически было связано с развитием проблематики международных режимов, значение которых было признано ведущими направлениями американской науки – и структурными реалистами, и неолиберальными институционалистами. Различия между ними касались функционального понимания роли международных режимов, что отражало широкие теоретические дискуссии во всей американской науке о международных отношениях. Британский институционализм формировался как попытка обобщения определенной нормативной повестки внутри относительно узкого круга международных проблем, очерченного концепцией международного общества в 1970–1980 гг.

Кроме того, даже внутри Английской школы международных отношений институционализм оставался теоретически аморфным и породил некоторые разночтения в номенклатуре и трактовке содержания важных институтов международного взаимодействия. Так, например, Б. Бузан казалась странным, что ни М. Уайт, ни Х. Булл с их умением видеть широкую теоретическую перспективу не рефлексировали над понятием международных институтов, хотя этот термин и был включен в определение «международного общества» [Buzan, 2004: 170, Bull, 1977: 13–14]. Другие участники школы увидели сложности в том, что Х. Булл не включил в число международных институтов суверенитет, но включил войну как инструмент управления международным обществом [Jones, 2006: 162]. Дискуссии возникли в понимании роли национализма и колониализма как фундаментальных институтов в развитии международного общества [Mayall, 2011: 82–83, 99–100, Holsti, 2004: 24–27].

Тем не менее, несмотря на обозначенные проблемы в развитии этого подхода внутри Английской

школы, анализ международных институтов способен стать методологическим стержнем содержательного исследования сущностных сторон международных отношений и расширить горизонты применения концепции. Британский институционализм показывает в этой связи не только перспективы и направления дальнейшей эволюции самой концепции международного общества, но и трансформацию Английской школы от относительно узкой научной группы 1960–1970 гг. к автономному кластеру в современной теории международных отношений. Анализ отдельных институтов в концепции международного общества наглядно показывает данную тенденцию.

БРИТАНСКИЙ КОМИТЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРЕДМЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Дипломатия выступает общепризнанным институтом в концепции Английской школы. Как первоначальные, так и современные сторонники концепции международного общества признавали ее в качестве значимого международного института. Однако анализ содержательных сторон, как и определение роли дипломатии в истории и современности, у участников Английской школы международных отношений имел индивидуальные нюансы. Предмет изучения института был обозначен в «Дипломатических исследованиях» – первой коллективной монографии сообщества в 1966 году, а задал направление ее изучения лично Г. Баттерфильд – первый председатель Британского комитета. Мэтр британской исторической науки разделил дипломатию на два больших исторических типа, рельефную границу между которыми проложила Первая мировая война [Butterfield, 1966: 181–192]. Вслед за Г. Баттерфильдом многие адепты формирующейся концепции начали «делить» дипломатию на «историческую» и «новую», тем самым, определив проблемное поле изучения данного института.

«Историческая дипломатия» формировалась вместе с определенным типом европейского государства, которое Н. Макиавелли называл емким термином «*stato*». Она отражала аристократический и личный характер взаимоотношений участников европейского общения. Это было следствием общей культурной традиции и разделения общих ценностей, вокруг которых формировался сам институт. Г. Баттерфильд связывал появление «исторической дипломатии» с периодом нового времени не только потому, что сам был ведущим специалистом по европейскому модерну в Великобритании, но в силу ее особого значения в системе европейских отношений. Сама идея международной системы была порождена специфическим механизмом баланса сил, созданным именно в эту историческую эпоху европейскими державами. Поэтому, «историческая дипломатия» играла важную роль не только в качестве регулятора двухсторонних отношений между любыми государствами в истории, но проявила свое значение в определенной политической культуре, выступив своеобразной исторической альтернативой войне в поле взаимодействия вполне конкретных стран. Она позволила поддерживать мир и гарантировать

Миронов В.В.

международный порядок в среднесрочной исторической перспективе.

«Новая дипломатия» выступала закономерным порождением изменений в международных отношениях на рубеже XIX–XX вв. Количество государств в мире со временем заметно возросло. Изменились и сами государства. Как следствие, произошла утрата аристократического характера профессии дипломата и девальвация ценностей коллективного принятия решений, определенных в свое время в Вене. Уходил в прошлое лично-доверительный стиль дипломатического общения, порожденный родственной связью между представителями королевских домов Европы. Военные все больше стали оказывать влияние на формирование внешнеполитического курса страны, а система конкуренции военных блоков не оставляла шансов дипломатам остановить Первую мировую войну.

Появление новых государств, имеющих республиканскую форму правления и провозглашающих собственные национальные интересы абсолютным ориентиром внешней политики, еще более усиливало необратимый характер изменений в международных делах и завершило процесс формирования «новой» дипломатии для Г. Баттерфильда. Аргументы ученого получили развитие и нашли отражение в более поздних интерпретациях института в школе. Любопытен в этой связи дискурс профессора Э. Кидури, который предложил термин «новый мировой беспорядок», тем самым, укрепив различие между «исторической» и «новой» дипломатией Г. Баттерфильда внутри Английской школы международных отношений [Kedourie, 1984: 347–355].

М. Уайт – второй руководитель Британского комитета и один из разработчиков концепции школы, с его склонностью к большим теоретическим обобщениям в сравнении с Баттерфильдом, расширил теоретические рамки анализа дипломатии как института международного общества. Он полагал, что дипломатия есть минимальный показатель «социальности», который позволяет говорить о наличии любой системы государств в истории международных отношений вообще [Wight, 1979: 113–121]. Уайт считал, что системы в международной политике существовали и до периода модерна в европейском международном обществе. Как минимум, она писал о греко-персидской системе международных отношений в античности. Нечто подобное существовало в период воюющих царств в Китае в V в. до н.э. [Wight, 1977: 21–41]. При таком подходе дипломатия выглядела не как историческая альтернатива войне в европейских международных отношениях нового времени, но как универсальный институт, сопровождающий любую систему государств.

Подход М. Уайта был более емким, чем трактовка дипломатии только как определенного конкретно-исторического инструмента по управлению международным обществом у Г. Баттерфильда. Дипломатия отражала общий процесс появления и трансформации международной системы. Она сопровождала межгосударственное взаимодействие на всем протяжении существования внешней политики, что теоретически выглядело более обоснованным, но выходило за понимание ее роли только как особого механизма по управлению балансом сил внутри европейского международного общества нового времени.

Вместе с тем, как ученик Г. Баттерфильда, М. Уайт был солидарен с ним в определении дальнейших перспектив развития дипломатии. Если Баттерфильд видел в «новой дипломатии» упадок данного института, то пессимизм М. Уайта носил еще более выраженный характер – он вообще считал, что в международных отношениях прогресс отсутствует, а сами они представляют собой бесконечное «царство повторов и репетиций», где война остается основным регулятором международного взаимодействия. Он отмечал, что некоторые из изменений в дипломатии носят разрушающий характер [Wight, 1979: 121]. Вслед за Уайтом многие из участников Британского комитета по изучению международной политики стали отмечать необратимый характер изменений в дипломатии XX в. и анализировать такие явления как «революционная дипломатия», подменявшая собой ведение дипломатических отношений между государствами шпионажем и пропагандой. В этом смысле концепция международного общества (системы государств) выступала валидным инструментом исторического изучения международных отношений, а дипломатия как институт показывала ретроспективу и исторические ошибки внешней политики государств.

Х. Булл, самый известный из создателей концепции сообщества ученых, относил дипломатию к основным и первичным институтам международного общества [Bull, 1977: 162–183]. Это значило, что дипломатия попала в пятерку наиболее важных международных механизмов, о которых он писал в своей книге. Наряду с ней, к их числу принадлежали баланс сил, великодержавное управление международными отношениями, война и международное право. Х. Булл считал, что приоритетное место в истории международного общества, как и в системе государств – форма международного взаимодействия, исторически предшествующая международному обществу, отводилось балансу сил.

Появление оружия массового уничтожения трансформировало европейский по происхождению механизм равновесия в стратегию ядерного сдерживания в США, что свидетельствовало об упадке баланса как несущего института международного общества. Как эксперт по стратегическому анализу, Х. Булл показал существенные различия между балансом и сдерживанием в военно-политическом отношении [Bull, 1977: 121–126]. Надежды Булла в таких обстоятельствах были направлены на международное право в качестве альтернативы некогда центральному международному институту [Там же: 140]. XIX в., с его точки зрения, показывал возможность их синхронного и параллельного развития в истории европейского международного общества, где один институт поддерживал другой. Все это говорит о том, что для Х. Булла дипломатия занимала важное, но подчиненное положение в перечне международных институтов. Она должна была быть подкреплена силой, или основываться на международном праве. В противном случае она могла оказаться только инструментом международного взаимодействия, но не выступать институтом международного общества.

Х. Булл по-иному расставил акценты в анализе перспективы упадка данного института. Не отрицая позицию Г. Баттерфильда целиком, он отметил развитие

технического менеджмента при проведении дипломатических переговоров, рост числа специалистов, занимающихся дипломатией, мультилатерализм, подрывающий традиционное доверительное дипломатическое общение и практику личных связей. Однако ученый считал эти тенденции не проявлением кризисных тенденций в существе явления, но лишь изменениями, демонстрирующими трансформацию функций дипломатии в современном международном обществе. Иначе говоря, если для Г. Баттерфильда изменения в дипломатии были сущностными, то для Х. Булла – функциональными.

Самую масштабную характеристику дипломатии как институту международного общества дал А. Уотсон, посвятивший дипломатии не только книгу, но и значительную часть жизни [Watson, 1982]. А. Уотсон смотрел на дипломатию с предельно широкой исторической ретроспективы как историк, а, как бывший посол, он соединил подходы в ее трактовке, характерные для английской науки и практики XX в. Сущность этого явления он видит в том, что дипломатия представляет собой механизм, посредством которого осуществляется не просто диалог между государствами, что было характерно для Г. Николсона, Э. Сатоу в первой половине столетия, но и обмен ценностями, нормами и правилами поведения государств в международном обществе. Если М. Уайт считал дипломатию минимальным показателем «социальности» в системе государств, то А. Уотсон, напротив, полагал, что дипломатия будет увеличивать свое значение по мере трансформации системы государств в глобальное международное общество. Иной надежной альтернативы в мире просто не существует. Таким образом, Уотсон вписывал практические подходы в понимании дипломатии как специфического вида деятельности в концепцию международного общества и на широкой исторической панораме показал растущее значение данного института, в чем сомневались многие из его консервативно настроенных коллег внутри Британского комитета. Они по-прежнему в 1980-е гг. делили дипломатию на «историческую» и «новую», т.е., возникшую до Первой мировой войны и после нее.

Сегодня даже такой подход британского дипломата может показаться узким на фоне таких неоднозначных характеристик ее содержания, как дипломатия международных организаций, дипломатия доллара, научная и общественная дипломатия. Уотсон как практик действительно понимал под дипломатией лишь механизм для регулирования межгосударственных отношений, пусть и в широком историческом контексте. Однако, в подходе А. Уотсона к этому явлению правомерность термина «Английская школа» справедлива в отношении оценки его творчества и в узком – как представителя концепции международного общества, и в широком смысле – как отражение давней традиции понимания сущности дипломатии в Великобритании.

Растущее значение дипломатии было обосновано ученым в контексте исторической ретроспективы анализа данного института. Исследователь делал вывод, что дипломатия – традиционный и проверенный механизм взаимодействия в любой исторической системе государств. Темпоральный характер отдельных дипломатических норм и ценностей для него был обычным

моментом в исторической оценке содержания дипломатии. Он не делал из этого трагедии и не был склонен показывать пределы дипломатических возможностей. Как историк, он искал новые критерии оценки для определения места данного института в концепции международного общества. Исходя из внутренних изменений в государствах XX в., он предполагал, что дипломатия, хотя и не предотвратила возникновение мировых войн в XX в., но останется важным инструментом в международном и мировом обществе. Иначе говоря, для него, как и для Булла, упадок дипломатии был относительным, а ее институциональная роль, если и изменялась, то лишь адаптировалась ко времени, что и демонстрирует ее распространение в практике современного международного общества [Watson, 1982: 22–31]. Вместе с тем, он подчинил изучение дипломатии более широкой собственной модели «маятника» в колебаниях международного порядка между анархией и иерархией внутри международного общества, что в итоге мешало развитию самостоятельного функционального подхода к дипломатии как институту, что, безусловно, уже звучало в работах Х. Булла в 1970 гг.

СОВРЕМЕННЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ И РАЗВИТИЕ БРИТАНСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Современное поколение ученых Английской школы международных отношений продолжает «дипломатические исследования» отцов-основателей сообщества, что находит свое выражение в содержательном изучении новых граней дипломатической деятельности и в уточнении анализа категорий в отношении данного института. В этой связи представляют несомненный интерес идеи Джеймса Дер Дериана. Его сильная приверженность к постструктурализму не позволяет однозначно отнести его творчество к Английской школе, но некоторые из идей данного сообщества хорошо читаются в его взглядах.

Будучи одним из учеников Х. Булла, ученый написал работу, специально посвященную дипломатии [Der Derian, 1992]. Значительное место в ней он уделяет таким явлениям современной дипломатической практики как «антидипломатия» и «неодипломатия». Ключевое обоснование данных концептов построено на том, что традиционная историография – правда, остается не ясным, что имеет в виду под ней сам автор, – рассматривает дипломатию в качестве исключительно прогрессивно развивающегося института. Классическая линия Английской школы в изображении дипломатии построена на упадке этого явления как особого искусства переговоров в специфическом поле межгосударственно общения.

Изменение характера дипломатической деятельности с позиций Дер Дериана обусловлено расширением круга субъектов дипломатических отношений в качественном и количественном измерениях. Помимо государств субъектами дипломатических сношений сегодня выступают международные организации, транснациональные структуры различной направленности, иного рода акторы «вне суверенитета». Другой аспект изменений в содержании международных

Миронов В.В.

отношений обусловлен интенсификацией межгосударственного взаимодействия. Контакты между государствами стали ординарным явлением. Переговоры идут постоянно и осуществляются на разных уровнях и площадках международного взаимодействия. Встречи на глав государств и правительств перестали восприниматься как беспрецедентные события, позволяющие изменить ход истории. В этих условиях утрачивается смысл дипломатии как искусства межгосударственных переговоров.

Кроме того, постоянно появляются новые практики и функции в информационном взаимодействии государств. Дериан здесь развивает и обобщает некоторые из идей М. Уайта и Х. Булла.

Кроме того, Дериан считает, что одновременно с дипломатией развивается «антидипломатия» [Der Derian, 1992: 136]. В частности, он считает, что одновременно с дипломатией развивается «антидипломатия». Исторически она возникает в революционные периоды времени во Франции и России. Это явление получило развитие через непереговорные формы и методы действий (шпионаж, террор, угрозы применения силы и другие), преследовало иные политические цели. «Антидипломатия» создавала новые тактики принуждения и репрезентацию опасности [Там же, 1992: 3]. Дипломатическая функция «минимизации трений между государствами», о которой говорил Э. Сатоу, заменялась в антидипломатии функцией манипуляции угроз и преследованием цели создания негативного имиджа другого.

Как отмечал Яан Холл, аргументы Дериана основаны на широкой трактовке значения термина «дипломатия». Под ней он понимает любое взаимодействие в международных отношениях, не выступающее в качестве войны [Hall, 2006: 150]. Тогда «антидипломатия» – это проведение войны «иными средствами и методами». Ее проявления стимулируют враждебность в международном обществе в условиях, когда применение силы и угрозы ее применение находятся под запретом. Однако, как антипод войне, антидипломатия находится внутри спектра несиловых методов в международном обществе.

Феномен «неодипломатии» также легче понять через ее метафорические значения в современном политическом дискурсе вроде «публичной дипломатии», «принуждающей дипломатии», «дипломатии доллара». Все эти конструкции не новы. «Публичная дипломатия» для Дер Дериана обозначает переход от дипломатии правительств к дипломатическим контактам, осуществляемым населением. Изменение субъектного состава выступает достаточным основанием для заявлений об изменении характера самого института. Здесь читается переработка булловского «политического принуждения», или уайтовская идея «революционной пропаганды», адаптированные к современным реалиям дипломатических контактов, помимо очевидных параллелей с творчеством Д. Ная-мл. в США.

«Дипломатия доллара» состоит в выплатах бедным странам со стороны богатых определенных сумм, либо иных финансовых выплат, с целью достижения конкретных политических целей, или получения преимуществ [Der Derian, 1992: 185]. Такие методы вряд ли выступают как современные новации с позиции широ-

кой исторической ретроспективы, но показывают иные ее грани как института международного общества.

Наконец, «дипломатия принуждения» состоит в угрозе применения силы или иных средств воздействия на оппонента с целью побуждения к совершению определенных действий. Нельзя сказать, что раньше этой практики не существовало, но введение запрета на применение силы Организацией Объединенных Наций делает поиск новых видов ненасильственного, но силового воздействия на оппонента чрезвычайно востребованным во второй половине XX в.

Если представителей ранних поколений школы тревожила идея упадка дипломатии по техническим основаниям: развитие авиасообщения, телефонной связи и телевидения, что вытесняло традиционные формы дипломатических контактов, то сегодня эта тревога заметно снижается. Так, например, бывший британский дипломат Шон Риордан отмечает, что консульская служба как таковая может потерять свое значение под растущим воздействием автоматизированных офисов и колл-центров [Riordan, 2005: 180–193]. Однако, ведущей позицией по этому вопросу становится «технологический» подход. По мнению Яана Холла введение компьютерной техники, электронной почты помогает упорядочить повседневную организацию дипломатической и консульской деятельности. «Популярность» горячей линии в межгосударственных отношениях, которая появилась в дни острых международных кризисов периода холодной войны, не сделала прямое телефонное общение повседневной частью дипломатической практики. Сегодня это не редкость, но и не правило. Маргарет Тэтчер считала «горячую линию» с США «оружием последнего момента» [Hall, 2006: 148].

Аналогичным образом, увеличение количества экспертных международных организаций, в том числе, узкой специализированной направленности, не сводит дипломатический диалог к простому техническому менеджменту международной политики. Конечно, для организаций типа МАГАТЕ или ВОЗ условием работы выступает наличие специальных, а не дипломатических знаний и навыков, но только технократический подход к работе не способствует укреплению авторитета подобных международных структур. В силу этого фактора посольства, как традиционные дипломатические инструменты, вовсе не утрачивают свое значение даже в практике европейских отношений.

В этой связи, современные представители Английской школы обращают внимание не столько на ослабление традиционной роли дипломатии, сколько на изменение ее характера, появление новых форм и практик ведения дипломатического диалога, используя эвристический потенциал концепции международного общества, сформулированный Х. Буллоу и А. Уотсоном.

Продолжается и уайтовская линия Английской школы по изучению исторического опыта и многообразия вариантов участия отдельных государств в международном обществе. Заслуживают внимания в этой связи работы турецкого исследователя Н.А. Юрдусева. Ученый обратил внимание на институциональные и цивилизационные аспекты османской дипломатии. Парадокс истории Османской империи, по мнению Н.А. Юрдусева, состоит в том, что будучи расположенной в Европе и занимая от одной четвертой до одной

третьей европейского континента в отдельные исторические периоды, страна не считалась европейской державой. Даже опыт ее подключения к европейской международной системе в 1856 г. свидетельствовал о том, что в отношении Османской империи действует логика политической целесообразности, но не логика культуры в международном обществе. В этом смысле османская дипломатия была больше, чем османская внешняя политика, показывающая интересы этого государства [Yurdusev, 2004: 1]. Она демонстрирует место страны в истории международного общества, обусловленное разностью культурных традиций и, как следствие, институциональным отторжением.

Общий вывод исследователя состоит в том, что процесс появления европейской системы государств и развитие Османской империи были тесным образом переплетены [Yurdusev, 2003: 151]. Это было соразвитие разных цивилизационных практик, что требует выявления специфики исторических норм и правил дипломатического взаимодействия в международном обществе [Yurdusev, 2004: 2–4]. Таким образом, формирование дипломатии как института современного международного общества при подобной интерпретации вовсе не выступает только результатом процесса европейской экспансии, но требует учета исторической специфики и выявления особенностей взаимодействия различных цивилизаций.

В целом, в оценке дипломатии как института международного общества обращает на себя внимание постепенный переход ее изучения на позиции конструктивизма, хотя подход Н. Юрдусева также продолжает развивать исследование особенностей межкультурного и цивилизационного дипломатического диалога, проблемно заложенного в истории школы в «Экспансии международного общества» [Bull, Watson, 1984].

ВЫВОДЫ

Проведенный историографический анализ изменений в оценке дипломатии дает основания сегодня заявить о том, что она по-прежнему считается в Английской школе самостоятельным институтом, позволяющим говорить о функционировании международной системы и эволюции международного общества. Из всех представителей первого поколения научного сообщества лишь А. Уотсон настаивал на возрастающей роли данного института внутри сформулированной концепции, а Х. Булл наметил контуры функционального подхода к оценке ее роли, не порывая с представлениями предшественников.

Большинство современных представителей школы склонны рассматривать дипломатию с иных теоретических позиций. При этом сама дипломатия утрачивает свой смысл в качестве традиционной переговорной практики межгосударственных отношений, но становится средоточием новых функциональных ролей и смыслов в качестве института современного глобального международного общества. Это свидетельствует о преодолении идеи «упадка дипломатии» английскими учеными-международниками под влиянием пережитых страной мировых войн, процессов кризиса и распада британской колониальной империи, ухода в прошлое биполярной системы, в которой Великобри-

тания была значимым участником международного общества, но не лидером в формулировании политических тенденций развития мира.

Подход Английской школы международных отношений к дипломатии показывает автономный характер и специфику британского институционализма. Развитие институционализма в Великобритании никоим образом не было связано с теорией международных режимов, или спорами между неолибералами и неореалистами; скорее – с осмыслением роли исторического развития дипломатии. В этой связи, подход школы способен обеспечить преемственность исследований разных поколений внутри общей научной концепции, как и стать теоретической основой поэтапного отслеживания изменений в развитии центральных институтов международного взаимодействия.

Дипломатия как институт международного общества показывает не только историческую специфику изучения самого явления, обнаруживает не только самостоятельный теоретический раздел внутри оригинальной научной концепции, но и отражает становление функционального метода Английской школы. В свою очередь, этот подход сегодня выступает предпосылкой для развития диалога с американской наукой на основе изучения отдельных международных институтов, но с учетом специфики развития институционализма в обеих странах.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bull H. The anarchical society. A study of order in world politics. New York: Columbia University Press, 1977. 335 p.
2. Butterfield H. The new diplomacy and historical diplomacy. In: Diplomatic investigations. Essays in the theory of international politics. H. Butterfield, M. Wight (eds.). London: Allen & Unwin, 1966. Pp. 181–192.
3. Buzan B. From international to world society. English school theory and social structure of globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 295 p.
4. Buzan B. Rethinking Hedley Bull on the institutions of international society. In: The anarchical society in a Globalized World. R. Little, J. Williams (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2006. Pp. 75–96.
5. Der Derian J. Anti-diplomacy: Spies, terror, speed and war. Oxford, 1992. 215 p.
6. Dunne T. Sociological investigations: Instrumental, legitimist and coercive interpretations of international society. *Millennium*. 2001. Vol. 30. No. 1. Pp. 66–91.
7. Hall I. Diplomacy, anti-diplomacy and international society. In: The anarchical society in a globalized world. R. Little, J. Williams (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2006. Pp. 141–161.
8. Holsti K.J. Taming the Sovereigns. International change in international politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 372 p.
9. Jones C. War in the twenty-first century: An institution in crisis. In: The anarchical society in a globalized world. R. Little, J. Williams (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2006. Pp. 162–187.
10. Kedourie E. A New international disorder. In: The expansion of international society. H. Bull, A. Watson (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1984. Pp. 347–355.
11. Linklater A., Suganami H. The English school of international relations. A contemporary reassessments. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 302 p.
12. Nationalism and international relations. J.B.L. Mayall, J. Jackson-Preece (eds.). London: London School of Economics, 2011. 109. P. 216.

Миронов В.В.

13. Ottoman diplomacy. Conventional or unconventional? N.A. Yurdusev (ed.). London: Palgrave Macmillan, 2004. 202 p.
14. Riordan S. Dialogue-based public diplomacy: A new foreign policy paradigm? In: The new public diplomacy. Soft power in international relations. New York, 2005. Pp. 180–193.
15. The expansion of international society. H. Bull, A. Watson (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1984. 479 p.
16. Watson A. Diplomacy. The dialogue between states. London: Eyre Methuen. 1982. 239 p.
17. Wight M. De systematibus civitatum. In: System of state. H. Bull (ed.). Leicester: Leicester University Press, 1977. Pp. 21–41.
18. Wight M. Power politics. H. Bull, C. Holbrood (eds.). Leicester, 1979. 317 p.
19. Yurdusev N.A. International relations and the philosophy of history. A civilization approach. London: Palgrave Macmillan, 2003. 204 p.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 83,45%

Рецензент: Хряков А.В., кандидат исторических наук; доцент департамента истории НИУ Высшей школы экономики (Санкт-Петербург)

Статья поступила в редакцию 18.12.2020, принята к публикации 27.01.2021

The article was received on 18.12.2020, accepted for publication 27.01.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Миронов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук; доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Омск, Российская Федерация. E-mail: vvm_512@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Victor V. Mironov, Cand. Sci. (Hist.); associate professor at the Department of the History and Theory of International Relations of the Omsk State University. Omsk, Russian Federation. E-mail: vvm_512@rambler.ru